

Александр Ступин

ОДИНОКИЙ

рассказы

Александр Ступин
Одинокий. Рассказы

«Издательские решения»

Ступин А.

Одинокий. Рассказы / А. Ступин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909148-2

Сборник рассказов «Одинокий» рассматривается автором как художественная форма передачи содержания научных статей. В сборнике мало прямых ссылок на источники, архивы, но все герои рассказов вполне реальны и узнаваемы, хотя чаще всего они выглядят фантастически.

ISBN 978-5-44-909148-2

© Ступин А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	11
IV	13
V	18
VI	20
VII	23
VIII	27
IX	29
X	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Одинокий Рассказы

Александр Ступин

Корректор Лариса Александровна Ступина

Иллюстратор Лариса Александровна Ступина

Редактор Лариса Александровна Ступина

© Александр Ступин, 2018

© Лариса Александровна Ступина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9148-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Ну, какие сказки. Разве я – сказочница? Это раньше в старину сказочники были. Знали сказок много, да интересных. Заслушаешься. Телевизоров-радио-интернетов ваших не было, вот и приглашали такого сказителя. К примеру, рыбаки на путине. Днём-то они в море рыбу ловят. А вечерами у костра сказки слушают, истории разные.

Только вот, у меня сказок нет, я вам всю правду говорю, а если и домысливаю что, так это, чтобы слушать интереснее было. Где сама видела, где люди подсказали. Людям-то верить надо. Не всем. Но я-то, поди, разбираюсь. Отличаю, кому – можно, а кто – так, для красного словца прибавляет-присочиняет.

Вот, к примеру, сказывали, появился в одной деревеньке парнишка, сыночек банного. Уж и не знаю, что у них там вышло в семействе-то, а только наш остался один-одинёшенек, без ласки и заботы родителей: сирота-сиротой. Банные-то, они, вроде как домовые, это всем известно. Поселяются они в баньках, но не в каждой, и не у всякого хозяина. Как они выбирают баньку, по каким таким понятиям-приметам – людям неизвестно. Вот поселяются, и всё тут.

Так-то, они не зловредные, и присутствия своего особенно ни чем не выказывают. Пошалить могли. Хозяева баньку готовят: воды наносят из колодца в бочку, пол прометут, со стен паутину снимут, печь растопят. Вот уж всё готово, парься. Не тут-то было. Веники из ушатов достают, а они все – голенькие, и листики разбросаны, как ветром осенним по земле. Розги, а не веники. Или того хуже. Заходят хозяева париться, а там холод, печку инеем подёрнуло, хоть на улице жара, дыму въедливого полно – глаз не открыть, слёзы текут. Но так-то редко бывало.

Если такое вдруг приключалось, верный признак – осерчали банные. Хозяева тотчас – медку на блюдечке, или яблочек мочёных, вареньица. Спиртного-то банные на дух не выносили, и дыма табачного тоже – чихали да кашляли. Оттого сердились, бывало, да так, что к баньке месяц не подходит.

А как же? Рассердил ты банного, у тебя и двери не закрываются в баньке, стекла в окошках лопаются. Или труба печная развалилась, или птица в неё падает, дым из печи в баньку идёт. Муки вечные. Сколько времени и трудов, пока печники её оттуда вытащат. А то, в кадке дырок насверлят, прямо – решето, а не кадка, или полки подпилят. Даже сжечь баньку могут, если сильно осерчают. А что им – нечисть, она и есть нечисть. Но банные чистоту любят. В грязных баньках не селятся.

Ну, вот. Поселился парнишка-то наш в одной баньке. Говаривали, что проходящий табор цыганский его подкинул. Мол, нашли цыгане ребятёнка у дороги в траве. Думали, наверное, что человеческий. А когда чуть подрос, увидели, что – нет, не человеческий.

Маленький такой, глазки, как у зверька, диковатые, хотя многое, как у человека, не отличить. Но на языке человеческом говорил плохо, хотя всё понимал. И ещё, с насекомыми, зверюшками разговаривал, чудеса всякие творил. Мог, к примеру, поленом запустить со злости в кого-нибудь: посмотрит на полено-то, а потом глазёнками поведёт, оно и летит.

Деревенские вначале тоже ничего не поняли: парнишка и парнишка. Ростом с трехлетку, но шустрый, вот только говорит как-то странно, лопочет, лопочет по-своему, не разберёшь. Подкармливали его, понятно, а жить он стал в баньке.

Имя ему случай помог найти. Вот, как-то парились мужики, жару нагнали, печь раскалена, да ещё и воды плеснули. Один и кричит: «Жарко! Слишком жарко!» Мол, хватит поддавать-то. А парнишке показалось, что его зовут. Имени-то у него не было. Но он слышал, что люди друг друга по имени зовут, вот и придумал себе. Вышел, улыбается. Посмеялись тогда мужики, да напрасно. Но имя – не имя, прозвище, что ли, приклеилось к нему. Стали его кликать: «Слишкомжарко».

А надо сказать, что парнишечка этот, хоть и не человек вовсе, но смышлённый. Подглядел ведь он, что в печь дрова кидают, и от этого всем хорошо. Смекнул. Мужики-то кричали в баньке по-всякому случаю: «Поддай, да поддай», «Печь холодна, дровишек ещё подкинь». Он и стал потихоньку подкидывать. А они смеялись, благодарили его. Всем и было хорошо.

Но вот, как-то приготовили мужички баньку для родственника какого-то из города. Воды наносили, печь, понятно, жарко растопили, веники запарили. Опять же, по-новому: пива купили, рыбки вяленой принесли, приготовились по-настоящему. Сидят они, в баньке парятся. Хорошо. Банька – на берегу озера. Лесочки кругом. Вот, городской с непривычки взопрел, собрался из парилки-то на свежий воздух, и говорит: «Пойду на озеро. Окунусь. Слишком жарко».

– Что?! – кричат мужики. Не поняли они, что он сказал. Вениками хлестались, или под паром-то и пивом. Городской им и крикнул что есть мочи: «Слишком жарко, пойду!»

Услышал этот крик парнишка и подумал, что зовут его. Дверь открылась, и дровишки в печь сами полетели, шлёп-шлёп, торопятся. Мужики внимания не обращают, печь-то с обратной стороны растапливается. И пошло-поехало тут. Старается парнишка. Устали мужички вениками хлестаться, говорят друг другу: «Ну всё, пора на свежий воздух, упарились. Уж слишком жарко». Тихо говорили, но не знали, что банный тут уж.

И наш парнишка начеку: «Мало, стало, быть пару-то». Дрова – в печь, вода – на камни! Пошло дело. Мужики с полков вниз скатились, и – к двери. А дверь закрылась и не открывается. Они – и так и сяк, не могут открыть. Сидят, водой холодной обливаются, а она тоже греться начала, чуть не кипит. Хмель с мужиков окончательно вышел, и поняли они, чьих рук дело.

– Ой, хватит, хватит! – кричат, – Мочи нет терпеть, отпусти ты нас, не губи!

А парнишка понимать-то – понимал речь нашу, да видать, плохо, а может, шалить начал. Они стонут, а он ещё больше старается, жару поддаёт.

Видят парильщики – дело плохо. Выбили насилу окно и стали на помощь звать. Прибегают родственник. Но он про банного знать ничего не знал, и давай сразу дверь ломать. Лом схватил, топор. Рушит баньку-то. Мужики с жары не сообразили его предупредить, да и не поверил бы он им. Подумал бы, от жары в голове у них помутилось.

А Слишкомжарко осерчал не на шутку: банька-то – дом его. Подумал, ломают её. Размахивается городской топором, чтобы дверь разбить, а тот из рук его вырывается и на улицу улетает в кусты. И лом – туда же. Городской из баньки выбежал, схватил ведро воды, и в топку – водой, огонь гасить стал. Дрова шипят, пар, вода грязная течёт. Как тут Слишкомжарко осерчал!

Родственник ничего не понял, только возвращался он домой на «Скорой помощи». А мужики, пока сражение это было, из плена освободились, дверь выбили, и в озеро попрыгали. Так и сидели, пока не услышали вопли родственничка. Еле доплелись, а он уж вот: лежит на траве, стонет. Погуляли, в общем. Они – красные, чуть кожа с живых не слезла, и он – весь в синяках.

Выпили на радостях, что живые остались, но родственнику ничего сказывать не стали. «Полтергейст, он и есть полтергейст», – как городской сказал, когда его на носилках в машину «Скорой помощи» грузили. Был, конечно, участковый, носком ботинка землю поковырял, и решил: «Перебрали сельские, да и подрались чуток. Ничего страшного, тем более, заявление-то никто писать не стал».

Время шло. Местные лишней раз парнишку не звали, но от помощи его не отказывались, и были настороже.

Парнишка тем временем вырос. Бородёнка у него, как лишайник в лесу, волосы такие же. По человеческим обычаям жить стал: брился-стригся, одеколоном пользовался, даже зубы чистил. И одевался тоже как человек, а где ж он другое-то возьмёт? Но, поскольку роста был

небольшого, не выше ребёнка десятилетнего, ему всё детское и доставалось. Со всей деревни несли, и свои, и чужие.

Местная детвора с ним не играла, побаивались. Он тоже их сторонился, игр детских не понимал, и, самое главное, общаться с ним тяжело было. Понимать – он понимал, что ему говорили, а сам говорил тяжело.

II

К тому времени дачники у нас объявились. Места-то красивые: лес, речка, озеро, и от города недалеко. Колхозов-совхозов к тому времени не стало, поразрушили всё.

Вот, церковь стали восстанавливать. Она у нас красивая была, да в дни окаянные разрушили её, потом война была. Батюшку назначили. Хороший такой батюшка, отец Иоанн, с Украины, или нет, белгородский. Но всё: «шо» да «гы».

Когда отстроили колокольню, привезли колокол. Ну, конечно, не такой, что раньше был, откуда столько денег взять, но тоже – немаленький. Кран огромный приехал. Вот идёт работа по подъёму колокола. Всё хорошо, строители поднимают, отец Иоанн в сторонке с жителями наблюдают.

Поднимает кран колокол медленно. Сначала с машины его снял, а потом осторожно поворачивается к колокольне и вверх несёт. На небе – ни облачка, ветра почти нет. Всё складывалось замечательно. Ещё немного, и заведут его под балку, на которой он должен висеть.

И вдруг опоры у крана начинают продавливать землю. Может, там пустота образовалась, песок подвымыло, или грунт неустойчивый, поди – разберись. Крановщик-то опоры выдвинул, как положено, и пока на одну сторону тяжесть была, кран стоял, а как только поворачивать начал, то опора со стороны церкви стала в землю уходить. А где одна, там и другая. Все четыре колеса с противоположной стороны от церкви плавно оторвались от земли, машина накренилась, и стрела крана оперлась на стену колокольни. У крановщика лицо всё взмокло от пота, не знает, что делать.

Вместе со всеми и наш банный стоял. Вначале он в восторге был, пальцами водил, бурчал что-то. А ему объяснить пытались: «Упадёт, дескать, кран-то, и колокол разобьётся. Да что тебе говорить? Всё равно, ничего не понимаешь». А парнишка глаза тарачил, лоб морщил и постепенно допёр, что кран упасть может, точнее сказать, грохнется с минуты на минуту. Он тогда стал мужикам что-то объяснять, лопочет им, руками машет, но они его не слушали: «Дошло, наконец. И без тебя знаем. Да что сделать-то можно?»

Парнишка аж весь трясся от возбуждения. С ним такое случилось. Поэтому никто особенно внимания не обратил на это, все на кран смотрели. Ситуация на тот момент безвыходной стала. Слишком жарко же стал туда-сюда бегать. То вокруг крана, потом вокруг церкви. Да шепчет что-то, приседает, руками взмахивает. Отец Иоанн стоял бледный и уж смирившийся с тем, что разобьётся колокол.

– Только бы люди не погибли, а колокол... Что же, Бог даст, новый закажем. Когда только? Лет через десять... Что делать-то? Беда. Вон, дитя неразумное, и то так переживает...

Стоит батюшка, чуть не плачет: и кого винить, случай? Крановщик из кабины вышел, руками смущённо разводит: «Что поделаешь?»

– И что теперь?

– Был бы второй кран, тогда перецепили бы.

Но все понимали, что найти такой второй кран сложно. Нет его.

А парнишка наш всё бегаёт. То к крану подбежит, то к колокольне. А потом замер у машины, стоит, смотрит, и по лицу его крупные капли пота потекли ручьём, как будто в бане он сидит, а не на улице весенней. Напрягся весь, кряхтит, будто тянет что-то тяжелое руками за канаты.

– Это кто? Дурачок ваш местный? – спрашивает крановщик.

– Ой, смотри, смотри... Падает, кран падает!!

Ахнул народ. Действительно, стрела заскрипела, трос натянулся, дрожит... Вздрыгнула стрела, кирпич со штукатуркой от стены отвалились.

– Берегись, берегись, сейчас упадут, упадут!

– Подальше, подальше...

И строители, и местные стали отбегать подальше от крана с колоколом – опасно. Только парнишка остался, как в землю врос.

– Беги, беги, парень, погибнешь!

Стоит по-прежнему, сопит, рычит... И тросы на кране дрожать ещё сильнее стали, и вздрогнула стрела. Вздрогнула и нехотя отошла от стены.

– Гляди, гляди, что там...

Колокол медленно отходил от стены, и машина встала всеми восемью колесами на землю. Все стояли, открыв рты. Чудо!

– Ой, милый! Ой, выручай! Только не отвлекайте его, только не подходи к нему никто!! Не вводите меня во грех, бо, пришибу! – запричитал отец Иоанн, вдруг поверивший в чудо.

Когда опоры полностью вышли, мужики быстро завели под них широкий металлический швеллер. Крановщик уж в кабину влетел и осторожно поставил колокол на место. Все работали, как под гипнозом, понимали друг друга без слов. Когда закончили, только пот со лба утёрли и закурили, кто курил. Руки тряслись, и пот у всех ручьём. Крановщик, тот вообще, молча собрался, перекрестился, и быстро уехал. Местные тоже в растерянности были, в стороне топтались.

– М-да...

– Да-а-а...

– Надо ж такое...

И всё. Батюшка всё на церковь крестился и кланялся, крестился и кланялся. Так – минут пятнадцать, а потом парнишку обнял и три раза поцеловал: «Я уж, милый мой, не знаю, кто ты. От лукавого сила твоя, или Господь тебя наделил, только сегодня ты людям, церкви большую услугу оказал. Тебе это зачтётся. Спасибо и вам, люди добрые. Руки дрожат. Даже вон, слеза выступила от сильных чувств. Господь с нами. Праздник сегодня. Накрывай столы.»

Стол накрыли быстро, батюшку благодарили и парнишке руку жали: «Молодец, постоял за мир!». Он весь сиял от счастья.

III

Так у них дружба с отцом Иоанном и началась. Батюшка разрешал ему лазить на колокольню и в колокол ударять. Только банник этого гула колокольного поначалу сильно пугался, а потом привык. Стал он при храме вроде служки. Священник же задумал при случае к местному архиепископу съездить, попросить за него, чтобы разрешили ему прислуживать в храме.

Случай представился дней, может, через десять. Поехал батюшка в город. Дела разные: свечей подкупить, иконок, крестиков. Стоит он на складе церковном, товар получает, и заходит на склад архиепископ, предстоятель местной епархии.

Поздоровались, перекинулись словами, и напрашивается отец Иоанн к Владыке на приём. Тот и приглашает его: «Давно не виделись, вот к обеду и приходи. Отобедаем, чем Бог послал, а потом и побеседуем.» К трапезе отец Иоанн и заявился.

Когда обед закончился, в кабинете своём архиепископ и завёл беседу:

– Отец Иоанн, слышал я про эксперимент твой.

– Какой такой эксперимент?

– Будто в храм божий нечистого водишь, приваживаешь. Не дело это. С одной стороны, слухи, конечно, про его нечеловеческое происхождение. Только я представляю, как эти слухи до властей дойдут. Как они посмотрят? Скрывать не буду, мне служить-то – год, два, потом – на покой. Раздуют, преувеличат. У меня недоброжелателей-то хватает, да и место неплохое. И отправят меня туда, куда Макар телят не гонял – на Чукотку или в Читку.

Архиепископ Феодосий по возрасту своему был тяжеловат, но не толст. Был он человеком уважаемым, простым в обхождении, но не прост сам по себе. Жизнь заставила его быть осторожным и хитроватым, но настолько, что люди не могли про него сказать «хитёр», потому что для человека, служащего в церкви, прослыть хитрецом – не лучшая из характеристик.

В народе «хитрован» – это про купца-торговца. Священник, наоборот, должен быть прост и бесхитростен, а уж монашествующий – тем более. Феодосий же часто поминал при своих наставления преподобного Иоанна, которые тот в своей «Лестнице» записал: «...Поспешая к жизни уединённой, или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ; ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасать вместе с собой нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощувивши пламень, беги; ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу... Все ли должны мы пещись о других, не знаю; о самих же о себе всячески должны мы заботиться».

Вот и рассуждал он: «Ситуация непростая. Ребенок брошен цыганами, прижился в дачном посёлке. Станный на вид был младенец. Стали его звать „домовым“. Стало быть, нечистым. Но домовые, лешие, кикиморы, анчутки, и прочие, прочие – это ж всё язычество. Скажут: „Ну вот, дожил архиепископ, в язычество ударился.“ Проходу не дадут. Телевидение, газеты, университет... Домовых нет и быть не может. Да, нет и быть не может...»

Владыко встал бодро с архиерейского кресла с резной спинкой и подлокотниками и, перебирая пальцами четки, прошёлся по кабинету, размышляя далее: «Домовых быть не может – это всё суеверия, отголоски язычества, „бытовое язычество“. И если так, священник не нарушает никаких правил, привлекая этого странного парня. Не нарушает, не нарушает, и даже более того, пригрел сироту... Пригрел сироту, пригрел... А вдруг окажется, что змею на груди? Вдруг, и... Даже представить, что будет, и то оторопь берёт...»

Феодосий подошёл к столу и налил из графина воду в высокий стакан, пил долго, небольшими глотками, успокаиваясь. «Запретить, запретить, потому что...»

Раньше при крупных храмах отставные солдаты служили за небольшую плату. Вышел бы такой старый солдат и голосом, не терпящим возражений, гаркнул: «Приказано не пуцать! Иди

подобру-поздорову!» И всё. А кто там приказал, какой со служивого спрос? Сегодня на полицию какая опора? Денег запросят за охрану, а при конфузе сдадут с потрохами, да ещё от себя добавят». Допив воду, он поставил стакан и вновь сел в кресло.

«А поеду я, посмотрю на него. Поеду. Ну, любопытно же. Потом и решу. В конце концов, мне самому интересно... По-человечески. Боюсь разочароваться. Может, просто уродец какой-нибудь, „дитя воскресенья“, родители – пьяницы. Так бывает, бросили дитя. Что им, живут так, что и скотина так не живёт, всяк о потомстве своем печётся.»

Отец Иоанн тихо сидел на стуле и наблюдал за архиепископом. Он понимал направление мыслей и сомнения его. Были мгновения, когда хотел произнести: «Да валите, если что, всё на меня, Владыко. Ну, отправите меня, непутёвого, в дальний приход...». Но не сказал. Если что случится, он и без этих слов своё получит: «Тележка будет маленькая, но тяжёлая.»

– Вот как мы поступим, отец Иоанн. Съезжу я к тебе. Самому любопытно.

Знаешь, мне всегда была любопытна притча о Женихе. Я ведь, признаюсь, до конца её так и не понял. Почему «званные не явились»? Нужно было шоу, с треском, с блеском молний, или наоборот, закрытость, клуб для особо приближённых? Ведь явись они, прознай, кто их зовёт... Почёт, венки, возлежание, курение масел, жертвы.

И разговор был бы с теми, кто понимает, что такое власть, как вести за собой массы, как их организовать. Не было бы столь многих жертв, и отклонений, противоречий и войн. Почему? Почему интеллектуалы отвергли «правду жизни»?

– У «золотого тельца» теплее? – сказал Иоанн. – А потом, философствующие и сами власть не прочь иметь над умами. Дьявол знал, чем человека зацепить: начал с интеллекта в раю, а на земле предложил власть.

– Но не может быть, чтобы не нашлось никого. Рыбаки, пастухи, землепашцы... Простые, неграмотные, мало знающие, малоспособные, мало расположенные к познанию, плохо обучаемые получили из рук Иисуса Христа Благовую весть и, с трудом разжевывая её, двинулись учить язычников, среди которых были великие полководцы, ученые, композиторы, поэты! Почему они...? Вопрос для меня. Идите, я к вам приеду.

Поп приложился к руке архиепископа, тот благословил его. На том и расстались.

IV

К тому времени банный уж прописался в храме. Проповеди слушал. И очень ему понравилось там. Особенно любил праздники и крестные ходы. Если на колокольне кто и был чаще других, так это тоже парнишка. Как его природа языческая с христианством сочеталось, никто объяснить не мог. Только стал он меньше проказничать, и всегда, когда к церкви подходил, крестился. Хотя все знали, что обряд крещения он не проходил. Батюшка был известный либерал, но здесь что-то его останавливало. Хотя говаривал, дескать, этот «нечистый» инога христианина в благочестии за пояс заткнёт.

Тем временем, в деревне нашей произошли новые события. В лихие времена колхозы-то позакрывала московская власть. Двери на распашку, дескать, получай, мужик, полную свободу, наконец. Народ от счастья такого и запил. А что? Привыкли ведь работать по приказу. А тут – волю дали, что хошь, то и делай.

Наделы свои фермерам да акционерам посдавали в аренду, а сами – кто во что горазд: в город ездили на заработки, но большинство дома остались и перебивались случайными шабашками и мелким воровством. Хозяйством мало кто занимался, тут ведь стержень нужен, от дедов-прадедов. А много ли таких справных хозяев? Один на сотню. Да и тех в революцию побили, пораскулачивали, а кто и на войне последней погиб. Вот оставшиеся и развернулись. Дома пустеть стали, и уезжали сами много, а кого на погост свезли. Тяжёлые времена...

Деревня наша хороша. Своим-то приелась, а кто чужой приезжал – в восторге был. И стали к нам заезжать люди, и не всегда хорошие.

Как-то подкатывает целая кавалькада. Да всё дорогие какие-то, джипы там разные и начальство районное. Ходят по деревне, по лесу, вдоль реки, что-то обсуждают. А потом уехали.

И пошёл по деревне слух, что местные власти деревню продали. Всю как есть, вместе с жителями. Прямо, как при царе-батюшке. Правда – то было или нет, но появилась в подтверждение слухам в деревне техника строительная: бульдозеры, экскаваторы, краны, машины, видимо-невидимо. Строители – гастарбайтеры, из узбеков, что-ли, вагончики поставили. Стали они по деревне ходить, копать там и сям.

Народ понять ничего не может. А тут глава района приехал и разъяснил: «Местный колхоз-то разогнали, оставшиеся обанкротились, земли выкупило какое-то АО. В деревне будут преобразования, но это самое АО готово выкупить оставшиеся хозяйства по разумной цене, согласно прейскуранту, за три копейки. Подходите, торопитесь, дело, конечно, добровольное, но кто не продаст – пожалеет». Золотая Орда, и только.

Местные побузили для виду и стали потихоньку к конторе бегать, тайком друг от друга. Стыдно, видать, было родное продавать. В деревне-то, не как в городе, совесть не сразу замотали и Родину помнили. Но и к нам на обочину грязь отлетела, а вместо того, чтобы очиститься, мы в ней ещё больше вывалились. Дома продавали, сами съезжали, да видно, счастья в городе не все искали.

Были такие, кто не согласился уезжать. Что это, мол, наше родное, не поедем, и всё тут. У некоторых хозяйство налажено, кто-то фермером стал, да и дачники заартачились, уж больно им места наши понравились. Нашла, одним словом, коса на камень. Хоть и в меньшинстве остались, но крепкие люди. И как их только не уговаривали.

Районный глава приезжал, на собрании золотые горы сулил, угрожал электричество пообрезать, дороги перекопать – ни в какую. «Тогда, говорит, пеняйте на себя. Не хотите по-хорошему, я умываю руки. Жалеть потом будете, локти кусать», – сказал так и уехал.

Прошло дней несколько. На стройке за забором строители тихо копошились, когда к обеду подъехали несколько джипов этих и автобусик. Вышли из них людишки в чёрных одеждах, черти прям. Охрана какая-то. Но на морды – бандит на бандите, или каратели.

Стали они в деревне порядки свои наводить. Строители заборов понаставили, к реке, озеру не пройти. Дороги перекопали. Выживают людей. И управы на них ни какой нет. Участковый не появляется, один он на несколько деревень. Приезжала как-то комиссия из города, дачники постарались, но никаких нарушений не обнаружила. Документы у АО в порядке.

Стали люди задумываться, не бросить ли всё, и не уехать подобру-поздорову? А тут ещё случай. Фермера одного охрана избилась сильно, а дом его сгорел. И всё с рук бандитам сошло. Засобирались люди. Плакали, так уезжать не хотелось, а куда деваться? Не умирать же.

Как-то раз в субботу собрались бандиты из охраны отдохнуть, в баньке попариться. Места-то у нас дивные. И глянулась им банька на берегу озера. Приказали они гастарбайтерам воды натаскать, растопить баньку. Плов решили на берегу готовить, огонь развели, столы поставили. Разгуляться решили.

А был в деревне учитель старый. Директор школы деревенской. Вот он тихонько к баньке подошёл, дверь открывает, а там парятся охрана с начальством своим, и кричит им: «С легким паром вас. Слишкомжарко! Слишкомжарко! У вас тут».

– Пошёл вон, старик, двери закрой.

– Закрою, люди добрые.

«Потом ещё звать будет», – тихо сказал, и на улицу вышел. В сторонку отошел, ждёт. Ничего не происходит. Он – ещё раз в баньку.

– Может помочь чем? Нет? Слишкомжарко! Слишкомжарко!

– Сгинь, старик, без твоей помощи обойдёмся...

Вышел старик. Расстроился. Не получилось. Пропадёт деревня, значит, тому и быть. Присел на лавочку, горюет. Бандиты из охраны в чем мать родила в озеро прыгают, орут, ругаются от удовольствия.

Тут подъехал глава местной районной администрации. Машина такая большая чёрная, дорогушая, все вокруг него суетятся. Разделся он. В баньку его ведут, венички свеженькие прямо с березы, кваску холодного. Парят его. И вдруг видит старик, что из трубы дым больше пошёл. А потом – прямо огонь. Забегали эти черти, кричат, двери ломают. И началось тут светопреставление.

Главный-то или из слуг его кто, банного случайно позвал: «Слишкомжарко». Учитель – тот в одежде был, а в бане, как известно, голыми парятся. Вот на его зов парнишка и не явился. А в бане кто-то случайно и позвал, сам того не подозревая. Да уж так позвал, что парнишка из кожи вон лез, чтобы растопить баньку. Те внутри орут, а он больше поддаёт.

Двери бандиты враз вынесли без топора. Здоровенные, силищи в них. А вот дальше кто-то из них стал печь водой заливать и дрова вытаскивать. А печь для банного – святое, её трогать нельзя, осерчает. Вот громила из бандитов в печи орудует, ругаясь. Головни – на пол, грязь, дым, а ещё и запах винный.

И осерчал Слишкомжарко. Взял для начала и двинул поленом по лбу бандита. Тот даже не заметил. Громит баньку. Тогда глянул банник на два огромных полена, взлетели в баньку они да прямо в лоб промеж глаз опустили охраннику. Он на глазах у всех из двери и выпал. На землю упал, не встаёт. Его водой отлили, в чувство приводят, спрашивают: «Кто тебя так?» Но он мычит только.

Но есть во всяком обществе людишки, так, ни то ни сё, ни Богу свеча, ни чёрту кочерга. И в нашей деревне такой был. Откуда взялся, не помнил никто. Был и был. Вот, он старшему и говорит: «Есть у нас в деревне парнишка приبلудный. Он это. Вы его так не найдёте, но он мёд очень любит, поставьте мёд, он и выползет».

Вначале бандиты не поверили, а потом согласились. Полную миску мёду набрали и кличут банного, будто бы помириться хотят. Долго он не появлялся, а потом вышел, горемычный. Уж больно мёд любил. Ест он мёд и урчит, как кот.

– Это что за обезьяна такая? – хохочут бандиты.

– Оно, что ли, нашего Серёгу бревном приговорило?!

И потешаются над товарищем своим. Тот уж в себя пришёл. Взревел. Подлетает к парнишке и со всей мочи, как по мячу, ногой его ударил. Отлетел бедняга от миски и лежит на земле без чувств. А этот злыдень всё не угомонится, вытащил из машины дубинку деревянную, подошёл к Слишкомжарко и так сильно его ударил несколько раз, что он опять подлетел в воздухе и упал на землю.

– Ты что, замочил его?

– Точно, убил. Не шевелится.

Хотели они подойти к банному, но тот пошевелился и медленно встал. Вырвал дубинку у бандита и стал его бить его. Голову ему рассёк, колено. Охранники тут же выхватили оружие и стали стрелять. Было видно, как пули рвут тело парнишки, одежда – в клочья, кепочка в кусты улетела. Когда они перестали стрелять, потому что кончились патроны, старший приказал: «В мешок его, и закопайте, нечего озеро поганить. Убили животное, которое напало на человека. Самооборона».

Принесли грязный мешок, затолкали туда парнишку и в лесу закопали. Где то место, никто не знал. Односельчанину, который банного выдал, дали тысячу рублей и наказали, чтобы он молчал. Только тот усмехнулся: «Конечно, буду молчать, что ж я, не понимаю...» Когда он шёл, дорогой его догнал старик-директор.

– Зачем ты это сделал?

– Пусть знают...

– Он ведь может их очень сильно наказать.

– Они мою собачонку ни за что убили. У меня кроме неё никого не было. Они её вот так же запросто из ружья, как каратели, фашисты проклятые.

– Может, предупредить их, кто знает, чем это всё кончится? Наши люди, всё-таки, пусть и заблудшие

– А ты – такой жалостливый? Предупреди. Скажи, так мол и так, а подстрелили вы, братки, банного. Духа – нечистого. И грязной землей засыпали. Одежду его порвали, кепочку в грязь в топтали. Что они тебе скажут? Хотел бы я посмотреть, в глаз тебе дадут или тоже пристрелят...

– Мы знаем, кто он. А они не знали.

– Так и я не знаю. Не знаю. Кто я? Бухгалтер. Моё дело – чужие деньги считать. А тут – дело научное. Или ты много знаешь? Может, фокус это, обман зрения. Нам что сказали: вот оно, чудо-юдо! Смотрите, осторожнее. Мужики спьяну наболтали что-то. Кто-то видел. Где доказательства? Где? Совесть моя чиста.

Знаешь, мне ведь бог здоровья не дал крепкого, в детстве пацаны проходу не давали и в армию не взяли. Искать – ничего не искали. Как увидели, сразу белый билет выдали. Потом – техникум. Кого – в механизаторы, меня в бухгалтеры.

И на селе то же житьё-бытьё. Кого-то поощряли, премии, фото в газетах, а бухгалтер, он что? Когда жена умерла, свет в окошке погас. Думал, руки наложу. Выжил. Скрипел, но выжил. И собачонка эта всегда со мной, будто сторожила, чтоб я, значит, чего плохого не сделал. Понимаешь? А они её пристрелили. Есть у меня способ защититься, я им воспользуюсь, и ты мне не мешай, Николай, не мешай. Я себя человеком почувствовал. Могу за себя постоять.

– Нет, я пойду, пойду предупрежу... Совестно как-то. Не знаем, что он учудить может.

– Я тебя не держу. Иди, иди. Может, поумнеешь, когда они тебе морду-то разобьют, чтобы голову не морочил. Идёшь?

– Пойду.

– Ну и дурак ты, ваше благородие. Ничему тебя жизнь, видать, не научила.

Они разошлись. Один бодро зашагал к селу, второй, всё ещё раздумывая и сомневаясь, плёлся к баньке, но не дошёл, в лес свернул.

Когда банного убили, батюшке сразу донесли. Вбежал к бандюганам – сам не свой.

– За что вы душу невинную погубили? Он же, как ребёнок был! Изверги!

– Ты что, поп, гонишь, нахристосовался к обеду? Кто кого убил? Мы не при делах...

– Как не при делах, а кто парнишку убил? Сколько людей видело!

– Кто, где они, люди-то? Кто их знает, где они были? Ты за свой гнилой базар отвечаешь, батюшка? Иди, проповеди читай, неровен час, ласты склеишь, отпевать некому будет.

– Пошёл вон!

Спустили с лестницы отца Иоанна, а он не понимает.

– Господь свидетель! Он вас покарает. В ногах моих валяться будете, придёт час, и скоро придёт. Проклинаю вас всех и от церкви отлучаю!

А те – ржут. Один штаны снял, ягодицы оголил, и к священнику повернулся.

– Приложись, батюшка, Христос Воскресе!

Священник остановился, гнев как рукой сняло с него.

– Бедные, бедные вы, опустошённые души... Кто ж вас спасёт-то?

Перекрестился и пошёл к себе. Когда ярость душит, гневом душа переполнена, лучше средства нет, чем работа тяжелая. А работы в церковном дворе: начать – не кончить.

На что похож двор у реставрируемого храма? На стройплощадку, склад, на всё, что угодно, только не на то, что было в далекую дореволюционную пору. Хотя и тогда иные священники концы с концами свести не могли. А уж сказки о толстом и жадном попе, что от Пушкина Александра Сергеевича, так это – сказки дворян для детей дворян. Иное смотри у Чехова или Лескова.

Отец Иоанн плотничал. В старых джинсах, рваной майке он обтёсывал бревно. Работал сосредоточено, не столько для дела, а так, чтобы отвлечься, пар, что ли, выпустить. «Не сдержался, в гневе был, плохо это. Людишки – дрянь, в крови по локоть руки у них небось, а всё равно – не дело».

В распахнутые ворота зашёл местный бухгалтер. Даже не зашёл, а явился. «Вот нечистая сила его принесла», – подумал отец Иоанн. Не то, чтобы он его недолюбливал, просто хотелось побыть одному.

– Вечер добрый, батюшка.

– Добрый.

– Вот смотрю, ворота нараспашку. Дай, думаю, зайду. Не случилось ли чего?

– Что со мной может случиться? А и случится, все под Богом ходим...

– Не говорите, сколько вокруг событий... Столько всего... Про деревню нашу. Вон, что творится.

– А что творится?

– Бандиты человека убили...

– Слышал. Нелюди...

Отец Иоанн промахнулся по бревну, топор вылетел из рук и упал в кусты. Он молча пошёл за ним, ничего не отвечая.

– Помните, в баньке на озере парнишка приبلудный, его ещё Слишкомжарко звать стали, смешная такая кличка. И говорят, он ещё, вроде, из семьи банных, ну, вроде лешего... Сказки, конечно, всё это. Болтают люди, от скуки. Вы согласны, батюшка?

– От скуки, точно. От скуки всё делается. Людей убивают, воруют, грабят...

– У меня вот... собачонку мою застрелили бандиты приезжие. Так просто, лаяла, говорят, сильно на них. Застрелили... А ведь это я им про парнишку рассказ...

– Ты? Ты-ы? Да зачем, для чего же ты сделал это?

– Они – звери, звери. Собачонку мою просто застрелили. Шуточки такие. Им всё равно: что человека, что собачонку.

– Он ведь – не игрушка, он человеком становился. Ты это понимаешь, окаянная твоя душа?

– Понимаю, потому и пришёл. Прости меня, батюшка, прости... Отмстить хотел, сейчас жалею, сильно жалею. Один я остался, совсем один. В голове помутилось.

Батюшка замахнулся топором, так что бухгалтер поднял руку, инстинктивно закрываясь. Лезвие топора глубоко вошло в бревно.

– Уходи, не до тебя... Потом. Потом поговорим.

– Да, потом, потом...

Он повернулся и быстро пошёл со двора.

– Потом... А что, что – потом? Пусть они, пусть убираются... И я не жалею, не жалею. Пусть они пожалеют!

V

События, как нитки на катушку, стали наматываться, одно на другое, одно на другое, начало уже не найти, и конца не видно. Прошло дней пять, наверное, после всего. В милицию, понятно, никто не обращался. Родных у Слишкомжарко нет, документов у него нет. А свидетелей убийства тоже, кроме как бухгалтера, не было, да и тот, как убивали парнишку, не видел. Только слухи.

Дело к обеду шло, магазин как раз закрывался, и покупатели расходится начали. Выходят на крыльцо, разговоры, ничего особенного: кто с кем, кто у кого. Деревенские новости.

Глядят, а по улице, магазин на центральной улице стоял, идёт кто-то. Ну, идёт себе и идёт, мало ли что. Ближе, когда он подходит-то стал, парнишку в нём узнали: тяжело опираясь на посох, чуть припадая на левую ногу, и даже как будто бочком шёл он. Люди, глядя на него, стали креститься, женщины платки к глазам подносили, вздыхали: жалко, ведь ничего плохого от него не видели. Он прошёл мимо, не замечая никого и не сбавляя шаг.

– Наверное, к церкви, отца Иоанна ищет..., к нему идёт, – перешёптывались в толпе, а потом... Дети двинулись за ним, из любопытства, а за ними – несколько женщин, тоже как бы по-смотреть, но идущих становилось всё больше, и шли, не спрашивая друг у друга: зачем? Из села к храму шла уже целая процессия.

Храм стоял чуть на въезде в село, на пригорке, с которого все красоты, как на ладони: и озеро, и лесочки, и река. Когда-то его окружала ажурная ограда из чугунного литья, которая крепилась на каменные столбы с навершиями из железа. Ограду эту поставили на деньги матери купца первой гильдии Катасонова. Купец-то сгинул в Сибири, поехал с товаром и сгинул. Вот мать его и подарила церкви ограду. Революцию, войну отечественную выстояла ограда, а перед гайдаром-чубайсом не устояла: в 90-е понесли её, и свои, и чужие, на пункты приёма металла. Рвали ограду, что называется, «с мясом» – цепляли тросом к трактору и выдёргивали.

Ко времени передачи храма церкви многое успели: ограду почти всю увезли, кое-где и столбы развалили. В храме ворота выломали. Там ведь во времена колхозные дизельную электростанцию затащили, американскую. Прямо в алтаре поставили. В алтаре дизель с генератором стояли, а в основной части храма и в пределах склады разместили для удобрений. Над храмом знамя красное вместо креста развивалось. Кресты-то – ранее, в 1920-х годах попиливали. Работала местная электростанция долго, а потом стали электричество тянуть, столбы ставить, нужда в ней пропала. Забросили её, простояла она до известных лет, и её сдали на металл. Меди там было: и проволока, и пластины на генераторе. Когда тащили агрегат, проём дверной расширили кувалдами.

У деревенских церквей свои дворянские истории: тайные венчания, ночные отпевания. Храмы, понятно, всё чаще помещики да купцы закладывали и строили на свои деньги, а читли больше в народе. Потому что не было другого места, где общество деревенское собиралось бы и в горе, и в радости.

Но главное, здание это с куполами синими или золочёными, с крестами да колоколенками вырастало будто само по себе, как деревце, травка, и без него не представлялось уже понятие Родины, как без протекающей речки, растущих берёзок, полей. Оно становилось частью окружающего мира, более того, частью жизни людей: от рождения до погоста.

Есть люди, которые предчувствуют события. Как будто приёмник в них встроен, и постоянно они в потоке информации: вдруг сердце защежит, или как-то не по себе станет, тревожно, и вот уж ожидаешь событие, и чувства тебя не обманывают. Хорошо это или плохо? В неведении спокойнее: живёшь и не знаешь, а придёт – разгребаешь.

Отец Иоанн чувствовал, что не закончились события для ставшего родным ему села. Как-то тревожно было на сердце, и помимо воли в голову стали проникать мысли, которые сбивали его, он не мог сосредоточиться, пока, наконец, не вышел с алтаря и не направился к дверям.

Распахнув церковные двери, он остановился на высоком крыльце и вгляделся вдаль: со стороны села по направлению к церкви шла странная процессия: возглавлял её некто в лохмотьях с посохом, сильно хромавший, а уж за ним, чуть отставая, плелись деревенские: дети, мужчины, женщины и даже дачники. Люди шли торжественно, как на Крестном ходе.

Нет, лучше, естественнее, что-ли, без праздничной показухи, когда идут, поддерживая некую традицию, но не повелению сердца. Шедшие что-то тихо пели. Нужно было петь, но, наверное, они не умели, не помнили, поэтому пение было как бы без слов, но петь хотелось. А когда уж подходили к храму, звонкий женский голос зазвенел: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!», и все идущие подхватили эти простые слова: «Святой Боже, святой бессмертный, помилуй нас!».

Глаза священника наполнились слезами. Он утирал их ладонями, а издали казалось, что он накладывает крест на идущих, и, воодушевлённые, они повторяли ещё и ещё молитву. «Боже мой, – думал поп, – я двадцать лет пытался достучаться до их сердец... Двадцать лет... А он, маленький, непонятно какого роду-племени, возбудил в людях такие высокие чувства... Чудо? Какая разница. Я пробился таки к сердцу его, а через него ко многим сердцам. Пути Господни неисповедимы, вот уж точно. А могло этого и не случится. Так бы никогда и не испытал радости такой. Радости неизмеримой, безграничной».

Худой, измученный, в страшных лохмотьях, будто юродивый с картин художников XIX века, Слишком жарко подошёл к ограде и, подняв глаза на колокольню, замер: здесь он стал счастлив... А потом... Потом, как подкошенный, осел на колени и лёг лицом на землю.

И все пришедшие тоже опустили на колени, крестясь то ли на храм, то ли на нового юродивого. Они не знали толком, как надо, как правильно, но это было не важно. В этот миг будто мостики от предков далеких к ним сегодняшним, беспмятным и блуждающим во мраке безверия, переброшены были.

Отец Иоанн замер на крыльце, слишком необычайным и до слез трогательным было зрелище это. А потом, очнувшись будто, сбежал с крыльца и встал на колени, как и все, позади парнишки. И слёзы потекли по щекам его, и народ плакал. Все. Мужчины, женщины, дети зарыдали.

Вдруг ударил колокол. Сам. А потом загудел-запел, да так красиво, как никогда не пел. Все, как зачарованные, смотрели на храм, на колокольню, наслаждаясь звоном, а когда он прекратился внезапно, парнишка исчез, как в воздухе растаял. Но чудо не исчезло. Осталось в сердцах людей.

VI

Эти часы глава районной администрации А-ского района с трудом выносил. Каждую неделю по понедельникам вечером ровно на два часа в его кабинет вползали, вталкивались, протискивались те, кого и людьми-то назвать язык не поворачивается – электорат. Вот они уж мажут своими одеждами стулья в приемной, пропитывают её запахами, после которых на всю ночь будет открыто окно, а утром секретарша побрызгает каким-нибудь дезодорантом.

– Анатолий Дмитриевич, приглашать?

– Подожди ещё немного, я с силами соберусь.

– Ха-ха-ха, – улыбается Верочка, ей тоже неважно сидеть там в приемной и слушать стоны-ахи, жалобы, просьбы.

– Ладно, открывай стойло.

– На приём, кто первый, проходите.

Люди шли с разными просьбами. Деловые в такие часы не приходили. Им назначали в другое время и в другом месте. Эти же просители, как правило, безнадежно ошибались, ожидая помощи.

Секретарь добросовестно заносила информацию, чтобы завтра передать какому-нибудь чиновнику, а уж тот напишет ответ, от которого никакой пользы просителю. «Место в детском саду?» – Пожалуйста», «Дом в аварийном состоянии?» – Нет проблем, решим, ждите», и так далее, и тому подобное. Рутинка-с. К семи часам вечера очередь поредела.

– Следующий, проходите. Ну, где вы там?

Зашёл он. Анатолий Дмитриевич его сразу и не признал. Да и как признать того, кого с месяц назад по твоей команде расстреляли и закопали. Парнишка был одет в выдающую виды ветровку с надписью «Россия» на английском языке, бейсболку, спортивные штаны и кроссовки.

– Ну, рассказывайте, молодой человек, не стесняйтесь. Может, водички? – начал Анатолий Дмитриевич ласково.

– Фамилия, имя, где живёте..., – уставшим голосом заныла секретарша.

Молчание. Только взгляд.

– Ну что ж ты, парень, говори, поможем, если сможем. Присаживайся...

– Фамилия...

Молчание. Банник тихо, плавно подошёл к широкому столу, за которым сидел глава, и лёг на него.

– Эй, ты что? Встань, встань, тебе говорю. Расскажи, что случилось, мы для того тут и сидим, чтобы помогать таким, как ты, сиротам. Ну, давай, парень, очнись...

– Фамилия...

– Да погоди ты, Верочка, с фамилией. Видишь, он не в себе...

– Может, он больной?

– Может, и больной. Парень, как тебя? Ты болен? С тобой всё хорошо?

– Меня убили...

– Что?!

– Меня убили...

– Кто, кто тебя убил?

– Ты...

– Я? Ты своим уме? Он – псих. Точно, больной. Надо кого-нибудь, позови там охрану, ещё покусает...

– Ой, сейчас, бегу...

Верочка застучала по паркету и протиснулась в дверь.

– Ну, всё хорошо, сейчас врач придёт. Так кто тебя убил?

– Не помнишь? Ты, в бане, в селе нашем, – парнишка говорил на удивление понятно. Он поднял лицо и пристально стал смотреть в глаза Анатолию Дмитриевичу. Анатолий Дмитриевич его узнал...

– Ты-ы-ы..., но как? Жив, значит, остался... Это ты пожалеешь ещё. А сюда пришёл зачем? Пожалеть тебя, может, урод? Беги лучше, прячься в самую дальнюю нору и не высывайся никогда. Иначе тебя найдут и сделают так, чтобы тебя больше никто не нашёл. Понял. Пошёл вон. Будем считать, что я тебя не видел. Так и быть. Или ты думаешь, что на меня можно надавить? Может, ты так думаешь? Ты – жалкое подобие... И человеком тебя назвать-то оскорбительно, обезьяной, и ту жалко. Вон пошёл!!

Из-за двери показались два охранника.

– Ничего, ребята, ничего. Он сейчас сам выйдет. Правда ведь, выйдешь? Или, все-таки, помочь? Помочь, значит.

Глава вытащил телефон, запутавшись в носовом платке, ключах. Ну, всё в одном кармане!

– Слушай сюда, у меня сейчас приём, и ко мне припёрся тот, ну тот, кто нам в бане мешал... Жив, сам удивляюсь. Давай сюда парочку, по-тихому его с заднего входа, и чтоб я его больше никогда не видел. Куда? Куда? Тебе сказать, или ты сам догадаешься? Всё. Жду. Быстро!

Вечер был испорчен. Анатолий Дмитриевич вышел из-за стола и подошёл к окну. Редкие прохожие. Машина ДПС на перекрёстке. И этот урод в его кабинете. Урод. Выжил. Нормальные люди от гриппа умирают, а в этого – из пяти стволов, в землю закопали, и – жив. Он повернулся и безразлично посмотрел на парнишку, продолжавшего полулежать на его столе.

– И что ты у меня разлэгся? Ничего, сейчас приедут, разберутся с тобой. Фарш не оживёт. Скажу, чтобы тебя в мясорубке провернули и собакам скормили. Сдохнешь. Ну, где ж они так долго? Сколько я терпеть буду эту падаль у себя в кабинете? Всё провонял уж.

Глава нервно взял телефон.

– Ну, где вы? Долго я... Подъехали. Поднимайтесь, мешок не забудьте... И чтоб тихо всё было. Тут вам не баня, а Администрация.

В дверь кабинета робко постучали.

– Можно?

– Входите уж.

Вошли четверо. Встали у стены.

– Что встали? Пакуйте.

Они продолжали стоять не шелохнувшись, вытянулись, руки по швам. Солдаты на посту номер один, знамени не хватало.

– Да, да вы что? Убирайте этого урода. Ну...

Братки не шевелились, а потом тихо открыли дверь и ушли.

– Да вы куда?! Куда вы? Идиоты... Вы что? Да я, я вас..., – кричал он им в след, выскочив из кабинета. Но они шли, не оборачиваясь. Анатолий Дмитриевич вернулся, суетливо забежал по кабинету натякаясь на стулья, потом скрылся в комнате отдыха. Что-то пил, ругался полупрошепотом. Опять звонил и ругался громко.

– Значит, ты так..., по своему... Ладно. Давай по-другому. Я ведь тебя понимаю. Да. Ладно. Там, в бане, мы были неправы. Ошибка вышла. Кто знал, что ты такой вот... Кто знал? Кто знал и послал тебя? А? Кто знал? Тот знал, чем всё закончится. Меня выжить захотели. А ведь могло случиться и по-другому. Значит, не сказки, что про тебя там рассказывали. Ты же мог нас всех там положить. Бойцы – в тебя, ты их – в порошок, ну, и меня за одно. Ну, ты понял? Мы здесь не при чём.

– Слушай, давай на мировую. Ты говори, что тебе надо. Мы весь район, область на уши поставим. Страну! А? Как?

– Ты должен извиниться.

– Да, я извиняюсь. Прости, друг, что так вышло. Я этих вещей-то не знаю. Мало просвещён. Давай, говори, что, как. Сделаю, что могу.

– Жить по-человечески, по-правильному, как в Библии.

– По... по... человечески? Да уж пробовали! По-человечески... И церкви ставили и ставим, скоро свободного места не останется – церкви, мечети, синагоги... Ничего ж не меняется. Люди, как были скотами, так ими и остались. Им – что икона, что знамя красное – один хрен. Ты пойми, ты сам-то – кто? Кто ты? Святой? Тебя не существует, ты из тех, из дохристианских, из былин языческих. Ты нашего мира не знаешь. У кого ты учился, у попа? А он кем был, поп твой, до перестройки? Небось, партбилет носил, а сейчас крест нацепил. Хочешь людям помогать, давай. Я тебе могу такое устроить, ты для своих там в селе... Тебя на божничку вознесут... Не буду я это село трогать. Оставлю тебе. Ну что, по рукам?

– Я с тобой буду. Где ты, там и я. Мы закон Божий нести будем людям. Закон правды.

– Со мной? Со мной? Ты в своем уме? Как? Какой закон? Его нет нигде. Нигде. Ни в столице, ни в Думе, ни в правительстве, ни церкви, ни целом в мире... Нет! Ты понял – нет! А будешь мешаться, путаться под ногами, так на тебя весь наш синод натравят, а надо будет, и люцефера привлекут. С кем угодно договор подпишут. Подпишут. Кровью!

– Я уйду. Завтра утром. Попробуем исправить.

– Завтра? Завтра у меня губернатор и представитель из Москвы, из аппарата президента. Давай, в другой раз начнём? В другой?

Но Слишкомжарко пропал. Когда ушёл? Вот только был, и не стало его.

– О боже, что будет завтра? Что будет? Или это сон?

VII

Утро. Лучше бы оно не наступало. Вечер тупой, а утро ещё хуже. Какой дурак придумал это, что «утро вечера мудренее»? Поганее. Особенно, когда почти не спал.

Анатолий Дмитриевич – среднего роста, полноватый, даже слегка пухловатый. Без седины и плешей. Нос слегка крючковат. Глаза большие карие. Взгляд одновременно наглый и в то же время преданный. Это – для начальства. Для подчинённых – всегда гроза. Ну, ничего приметного, запоминающегося. Чиновник. Русский чиновник. Классический. Он всегда выглядел бодрячком, но не сегодня.

Шёл к служебному «мерседесу», как на эшафот. Его ждали на стройке. Там будет губернатор и представитель из Москвы с инвесторами из Европы. Можно было бы не ездить, сославшись на здоровье, стройка не его, всем управляет губернатор. Только отношения с губернатором были давно испорчены и продолжали портиться, каждый из них грёб под себя и делиться ни с кем не хотел. Терпели друг друга. Пока терпели, потому что за каждым из них стояли определённые люди.

Стройка была на территории района, но проку от неё ни для района, ни для него лично не было. Строили какой-то завод, финансировали частью – иностранцы, частью – бюджет. Большею частью – иностранцы, поэтому украсть было тяжело. А предложить свои услуги мешало прикрытие губернатором и контроль сверху. Бестолковая стройка.

Он уже был на месте, когда машина губернатора и представителя со свитой и иностранными инвесторами только подъезжали.

– Успел. Припёрлись ноздря в ноздю. Не спится им. Ладно. Главное, этого чудовища со мной нет. Представляю, что было бы... Эх, иду... – вслух думал он, потом нарочито бодро и ласково закричал, выпрыгивая из машины:

– Доброе утро всем! Рад приветствовать!

С ним поздоровались наскоро и тут же прошли на строительство.

– И вам спасибо..., – пробурчал он им в след.

– Доброе утро.

– Ты...?

Парнишка стоял перед ним в нелепейшей одежде: светлая рубаха из грубого холста, подпоясанная веревочкой, штаны такие же, на голове – кепка, как из музея, а ноги были обуты в лапти.

– Ты откуда такой? Слушай, давай, завтра, завтра, давай... – — засуетился глава, опасаясь, как бы его не увидели рядом с этим языческим «чудовищем».

– Одет ты не по-людски. Всё в галстуки, да кожаная обувь дорогая. Посмотри, как народ ходит, скромно.

– В лаптях, что ли? В том, как ты, пугало огородное...?

– И тебе на землю спуститься надо, чтоб народ власть уважал. Будь прост, как голубь.

Объяснить, как на нём оказалась одежда, близкая к той, что носил парнишка, Анатолий Дмитриевич не смог бы. То ли он сам так оделся, то ли фокусы всё языческие. Но холщовая мужская рубаха была легка и приятна, ноги вообще блаженствовали, ничего не жало, было легко и свободно. Грудь дышала, сердце стучало, в голове было ясно и светло.

«Может, сбежать?» – мелькнула мысль. – Сбежать, пока не поздно, пока не увидели. Потом объяснюсь. Увидят же, или засмеют, или тут же снимут с должности... Сбе-жа-а-ать... А что сбежать-то? Что? От чего? Сколько бегать буду? Марафонец районного разлива. Не побегу. А пусть видят. Подойду даже... Вот где у меня этот придурок губернатор и вся его братия. И на иностранцев – плевать. Боюсь одних, других гроблю налево и направо.»

Он подтянул веревку на пузе и пошёл легкой походкой туда, где в окружении строителей стояли представитель президента, губернатор и инвесторы.

– Анатолий Дмитриевич, хорошо, что вы подошли. Вот, строители просят... , не могли бы вы... А что это вы так переоделись? Оригинально так...

Губернатор смотрел на главу района, и глаза его наливались кровью, иностранцы чуть в стороне переговаривались через переводчика с представителем президента и ещё не обратили внимания на экзотическое одеяние чиновника.

– Ты когда это успел напялить это? Ты с пугала огородного это снял? Быстро переоденься, если хочешь во главе района остаться... Я сказал, быстро...

– Виктор Константинович... , – позвал губернатора москвич.

– А что, если нам попробовать упростить задачу, которая встаёт перед районом. Где, кстати, глава?

– А я – здесь! – нагло и весело закричал Анатолий Дмитриевич.

– Идите к нам, – позвали его.

– Иду! Бегу! – как-то уж совсем потеряв всякий страх, отозвался он. Анатолий Дмитриевич решил расслабиться и наслаждаться. Насиловать ещё не начали, но дело за этим не станет. Кто ему поверит, что он в этом маскараде не виноват. А то, что этот маскарад губернатор воспримет, как попытку подорвать его авторитет, сомнений нет.

Когда опубликовали данные декларации об имуществе, то за губернатором числился сад в шесть соток и старый прицеп. Больше ничего. Даже старенького «москвича» не было. Тогда в области все смеялись. Вот, пусть теперь посмотрит, как глава района одевается. Кто к народу ближе?

– Вот гер Шнайдер говорит, что рядом замечательный хлеб растёт. А что, если нам использовать местные ресурсы? Как вы приоделись-то. Ну, прямо, толстовец. Вы не толстовец у нас?

– Смотрите, господа, вот так у нас чиновники ходят. А вы всё: коррупция, коррупция. Похож он на коррупционера? Замечательно смотрите. Вот, наши партнеры спрашивают: «Это настоящее всё?»

– Ну, а какое? Бумажное, что ли? Лён натуральный, а может, конопля. Легко и телу и ногам.

– Конопля, в смысле, марихуана? Этого мне в области только не хватало.

– Конопля, марихуана, канабис. Раньше, между прочим, медали за её выращивание давали, и Героев Соцтруда.

– Так, это раньше было, а теперь за это срок можно получить.

– И так последнюю рубашку снимаете, а ещё и в кутузку... ?

– Что ты мелешь? Тебя про хлеб спрашивают, – забормотал покрасневший от злости губернатор. – Отвечай. Про хлеб...

– А что про хлеб? Хлебушек хорош, цена не меняется, в рот кусок не помещается. Много не сидели, чтоб не потолстели.

– Что ты несёшь? Тебя не про вес спрашивают...

– А что посеешь, то и принесёшь. Вы там по гамбургеру считаете, а мы тут по борщу. Так вот, в борще неизменным осталась только вода, свекла и картошка, да и той – немножко.

– Ты специально всё, специально, чтобы меня скинуть. Не получится, они всё равно ничего не понимают, я переводчицу предупредил. Эти ничего не поймут, а ты поймёшь уже сегодня вечером. Уже сегодня. Доехать не успеешь, как приказ о твоём увольнении будет, – шептал ему на ухо губернатор.

– Вот, Илья Сергеевич, такие у нас в районе сидят. Гнать, гнать нужно таких...

– Так вот, когда заводик этот заработает, то у нас в районе только вода в борще останется.

– Это почему?

– Да потому, что все продукты подорожают, потому что их будет дефицит, а цены взлетят. Вот такая арифметика. Области хорошо. Губернатору вот, рапорты писать. Тут был у вас лесок, а останется песок.

Он говорил, говорил, и остановиться не мог. Язык молот сам по себе. Как потом объяснить кому-то, что не он эту чушь нёс? Может, правда, когда и думал, во хмелю, жалея пенсионеров и других, кто перебивался с хлеба на воду, но это было редко.

– Ну, не надо так уж мрачно. Открытие производства выгодно и району. А про взлёт цен, надо думать. Всё в наших руках.

Иностранцы с любопытством слушали разговор. Для них было удивительно, что чиновник на более низкой должности так смело разговаривает с губернатором и не боится прямо говорить представителю президента.

– Проблема, Илья? Этот господин критикует проект? Я понял, на вас, как это, «наехали»? И что теперь с ним будет? Отставка?

– Я бы не смог его уволить, даже если б захотел. А что он такого сказал, чего бы я не знал? Только вот, земля здесь прекрасная, а люди живут плохо, бедно. Почему? Только ли они виноваты? Он ведь не стал по-за углам шептать. Он – напрямую, как есть. Да если мы бы и захотели, всех не уволишь. А подхалимов, их везде хватает. Смелых и деловых – мало. А трусливых и подхалимов и искать не надо. У вас не так?

– Да так же.

– Удивлён. Я думал, будете отрицать.

– За кого вы меня принимаете? Я ведь – предприниматель, не политик, не чиновник...

– Знаете. Я – хоть и чиновник, но я больше эксперт, чем столоначальник.

Шнайдер подошёл к Анатолию Дмитриевичу и протянул ему руку. Обернувшись, попросил переводчицу перевести:

– Вы – смелый человек. В России, действительно, меняются люди. Не ожидал, признаюсь, не ожидал. У нас про Россию говорят в СМИ больше негативно: коррупция, режим, обман. Я мало этому верил. Пресса – бизнес, кто платит...

– Тот и танцует девушку...

– Не понимаю. «Кто платит, тот девушку...

– У нас так говорят. Поговорка: «Кто платит, тот и танцует девушку.»

– Ха-ха-ха, надо запомнить. Хорошо. Если в России есть такие люди, и немаловажно, что в администрации президента к таким людям относятся лояльно, то Россия далеко пойдёт...

Представитель администрации президента широко улыбался и поднимал большой палец руки: «Молодец!»

– Он смеётся и думает также стандартно, как все политики, – попытался пошутить Шнайдер.

– От вас, Отто, не спрячешься. Только ведь и у вас шаблонное мышление о чиновниках, политиках. У нас ведь – ничего лишнего, только функция. Не задумывались о вреде такого подхода? Вот вам образец нового подхода к управлению.

Он переключил наше внимание на свои проблемы. Приди он в стандартной привычной одежде с портфелем и печатью озабоченности, стали бы его слушать? Нет. Отправили бы к губернатору в приёмные часы. А так, мы уже час с ним говорим и озаботились проблемой района. Seriously настолько, что продумываем, как обойти острые углы. Труд чиновника иной раз напоминает труд бурлака.

– Бурлака? Я не понимаю. Это кто?

– В позапрошлом столетии по Волге, слышали о такой реке в России, ходили баржи. Так вот, поскольку двигатели паровые были дорогие, баржи таскали ватаги, группы людей. Они шли по берегу и за канаты тащили баржу против течения.

– О, это очень тяжело. Рабский труд.

– Тяжело, но не рабский. Там свои истории были. Всё за деньги, не бесплатно. Так вот, была такая история, подрядился в ватагу известный русский писатель Гиляровский. Был он нормально одет, хорошие новые сапоги, костюм. Его переодели так, как одевались все бурлаки: легкая одежда, а на ногах – лапти. Гиляровский расстроился вначале, что потерял сапоги. Но потом оценил: в сапогах по песку и камням он бы далеко не ушёл. А вот в такой обуви, как у Анатолия Дмитриевича, сотни километров прошагал.

– Ну что, Анатолий Дмитриевич, пойдёте к нам в ватагу бурлаком? Я всё согласую. Вы ближе нас всех к этому месту, знаете проблемы. Будете курировать стройку, а губернатора мы от этой ноши освободим. Он и так стонет, у него проблем в области нерешённых хоть отбавляй. Согласны?

Губернатор попытался изобразить на лице облегчение, радость, но лицевые мышцы его не слушались, он что-то промямлил, стоял красный и растерянный. Даже глаза, глаза были пусты. В них не было ничего прежнего: гнева, печали, ярости. Пустота. Убили на месте. Только упасть и закрыть их. Руки разбросать по сторонам, ноги протянуть, вздохнуть несколько раз и прошептать: «Убили, сволочи, за что?»

– А я соглашусь. Возьму и соглашусь, потому что чувствую: смогу. И спасибо, что предложили. Низкий вам поклон. За своих я постою. Буду тянуть ляжку бурлацкую, – Анатолий Дмитриевич поклонился и отошёл в сторону. Он не верил в случившееся. Наваждение. К губернатору он даже поворачиваться боялся: чувствовал, останься они один на один, поубивали бы друг друга. Губернатор – тот ещё кабан, и ростом повыше, и пошире мордой и пюзом.

Разъезжались. Глава района махал сердечно всем рукой, только что слезу не пустил. Трогательное прощание. Потом он стоял у машины и смотрел на стройку. Не верил.

«Главное, не сорваться. Деньжищи тут крутятся... Не выдержу, и, как минимум, лет на десять упекут. Кто за меня, сироту, заступится? Кремлёвские мальчишки тут, конечно, копытом будут бить, идейки подкидывать, субподрядишки разные.

Хрен вам. Что важнее, лишний миллион, хотя, когда он лишний бывает, или политическая карьера? Появился выбор. Выбор. Как бы не ошибиться. Стать популистом, народным героем можно. А потом ходить на митинги с теми бывшими, кто когда-то лопухнулся... Как, как? Крутиться. Но ведь интереснее, чем у деревенских сотки тырить. Масштаб другой!

А что-то я забыл совсем про свою главную проблему. Где банник? Я ведь у него, как заложник. Заложник. Нужно найти на него управу. Кто, кто, кто...? Синод наш? Архиепископ может подсказать. Начну с него.»

VIII

Губернатор не любил своё новое назначение. Вот уж пятый год он сидел в этом кабинете и ненавидел в нём всё: окна, двери, стол этот идиотский, старый паркет, и даже портрет Президента.

Прежний кабинетик газпромовского клерка был уютнее и спокойнее. Газ по трубам поступал вне зависимости от представлений клерков о его составе: природный и не природный, какая там у него формула, какие-такие свойства. Нет, одно свойство газа он точно знал – денежное. И была служба там понятна и необременительна: планы, совещания, командировки в Питер, и между делом: охота, рыбалка, отпуск в красивых местах, и отличная зарплата и вознаграждения.

И вот приказ: надо посидеть в областной администрации и кое-что сделать для компании. Думал: год, ну, два, а застрял на целых пять. Пять потерянных лет! Все эти областные дороги, поля, рейтинги, разбитые коровники, нищий бюджет и постоянный страх. Этого раньше не было. Чем ближе к пенсии, тем больше страха.

И когда посчастливилось заполучить этот завод, заводик, по масштабам страны, свет в окошке зажётся. «Сделаю, съеду, к чёртовой матери, отсюда. Буду каким-нибудь там сенатором, на худой конец, и – заводик. Облом. Это под меня копают, и в бой бросили этого упыря из района. Или я его в бараний рог сверну, или меня – под зад коленом. Последний бой, он – трудный самый».

Он ждал его. Сегодня. «Войдёт, сразу к стенке припереть и бить, бить, бить. Жаль, что только словами.»

– Глава администрации А-ского района Анатолий Дмитриевич Соболев, примете? – спросила вошедшая секретарша Маргарита Павловна, старый проверенный боец. Губернатор не любил заводить молоденьких девочек. Толку от них мало. Только расстройство.

– Да. Никого больше не пускать.

Он вошёл. Вошёл, как взошёл. Наглый, готовый к драке и понимающий, что вдвоём они в одной области не уживутся.

– Добрый день, Виктор Константинович.

– Добрый, проходи, Анатолий Дмитриевич. Разговор будет у нас коротким и жёстким. Но, может быть, взаимовыгодным. Как повернётся дело. Ты – мужик не без головы, я тебя понимаю, засиделся в районе, гоняешь со своими братками по полям, кур доишь. Хочется масштабов. Но говорю прямо и четко – завод оставь. Не знаю, как ты это сделаешь? согласишься, помогу в отставку почётную уйти, ну и, соответственно, покумекаем о твоём карьерном росте. Не пожалеешь. Воевать со мной не советую. Соглашайся.

– С чем? С тем, что в области творится, в стране? Как я людям в глаза глядеть буду? Они у меня весь день вот так вот – на расстоянии вытянутой руки. Сердце давит.

– Ты что, опять, опять... Опять лапти обул? Ты и народ? Может, ты в Бога уверовал? Уверовал?

Губернатор приподнялся с кресла. Его трясло. Анатолий Дмитриевич понял: «Началось», и продолжил, удивляясь самому себе, откуда в нём это:

– Уверовал в Бога нашего и Святую Троицу. (А про себя: «Что я несу? Я – бандит, по сути, в кресле, при власти».) Уверовал, как сотник. Сотник увидел Христа и уверовал. Вот и я, работал на таких, как ты, а потом думаю: «Сколько можно гниль жрать? Совесть и пробудилась...»

– Совесть...? У тебя?

– Сам удивляюсь. А есть. Если глубоко копнуть. Там, очень глубоко. Если хочешь, откопешь источник. Даже в твоей пустыне, если копать глубоко.

– Ты мне зубы не заговаривай. На моё место метишь? Вот тебе. Шиш. Не пройдёшь.

– А почему «нет»? Почему?

– У тебя – руки в крови. Братки у власти? Не бывать этому.

– Барыги у власти, значит – нормально, а честные пацаны – это плохо?

– Значит, так. Если хочешь войну, ты её получишь, нахлебаешься по самое не хочу...

Ты думаешь, за тобой кто-то стоит? Этот, думаешь, москвичок? Сынок сопливый..., который только за папину спину прячется. Они там все... Только, вот, вот они где будут, вот где будут, – губернатор сжал руку в кулак.

– Ты – сумасшедший. Или нет... Ты – просто барыга, лавочник, пассажир. Мой ответ будет такой: сваливай по-тихому, сам. Я даже мешать тебе не буду. Сам. Пока народ тебя не сдёрнул. Так бывает.

Анатолий Дмитриевич встал со вздохом, дескать, что с тебя взять-то, задвинул аккуратно стул и пошёл уверенно и твердо к двери. Так же вежливо открыл и закрыл её за собой, так делает обычно тот, кто чувствует за собой силу. Виктор Константинович провожал его, так получилось, стоя, почти на вытяжку.

– До свидания, присаживайтесь, не надо меня провожать.

– Пошёл вон, вон, вон!!! – в вдогонку заорал губернатор, но так получилось, что обращался он к закрытой двери. А дверь – лицо неодушевлённое, равнодушно снесла вопль и только слегка скрипнула.

– Звали, Виктор Константинович?

– Нет... Нет... Нет... Чаю, да-да, чаю мне, пожалуйста...

И присел.

Кто за ним стоит? Кто? Что за дьявол такой? Откуда такая самоуверенность? Узнать! Нужна полная информация.

IX

Банник не появлялся с месяц у главы. Раньше, когда Глава приходил в администрацию, он прежде спрашивал у секретарши, не было ли кого.

Особенно было неудобно по вечерам. Скрипнет дверь, Анатолий Дмитриевич вздрагивал, оглядывался, ждал, вот он явится, и что-то будет. Дни шли, ничего не происходило, и он успокоился и махнул рукой: «Да пропади всё пропадом, хоть чёрт явись, и не такое видели».

А повидал, действительно, много. Что перечислять, в милицейских архивах часть отложилась, там и про него папочка найдётся. Тогда, в 90-х, это было повсеместно: мошенничество, убийства, делёж, бравада этим. Нынче попритухило. Тише стало. Стало тише. Не прекратилось, тише стало. Незаметнее. Основное-то поделили и переключились туда, в мир. В мир-р-р. И уже, как политики. Скачок. Был районным барыгой, стал политиком, государственным деятелем.

Вот, откроешь какую-нибудь википедию, ба, знакомые всё лица: депутат, политик, сенатор, владелец, директор... а папочки лежат в архиве, лежат, как мины подводные, и ждут своего часа. Плаваешь – плавай. Только глубоко не лезь, подорвёшься. Детям проще будет. А родители – по уши в дерьме. Флибустьеры березовых околков.

Так вот, те папочки-мины менее опасны, чем всякие нечистые. Они фарватер указывают, как буйки. А вот эти, повылазившие, случайности создают. Плывёшь по старой дорожке проверенной, а тут раз тебе – айсберг в бок. С этим надо что-то делать.

Начнём с синода, с архиепископа. У них там – строже, чем в партийном контроле давнишнем.

Договорился о встрече с архиепископом, который правил в местной епархии, он легко. Позвонил туда-сюда, решил пару пустяковых проблем для одного храма, и – пожалуйста отобедать с Владыкой.

Владыко вёл простой привычный для себя образ жизни и, если не вынуждали обстоятельства, предпочитал кушать у себя дома. Жил он как бы в центре, но в собственном одноэтажном доме старой постройки, с небольшим двором. Дом был неприметный и заставлял думать прихожан о скромном монашеском образе жизни архиепископа. Он их не разочаровывал.

Внешне архиепископ Федосий был приятен, без жеманства, без притворной картинной набожности и без нудного церковного менторства. Сними с него рясу, побрей – готовый руководитель: строгий и справедливый.

Родился он давно, служил на Украине, потом за морем, и забросила его судьбинушка в Сибирь, куда просто так не попадают. Но он не скис, а развернул такую деятельность, что соседи обзавидовались. И ещё, он был дипломатом: к месту обходителен, а иной раз строг и властен.

Глава с ним уже встречался. В далекие 90-е он, тогда работавший в одном из департаментов города, принимал участие во встрече одной немецкой делегации.

Немцы везли в город конвой гуманитарной помощи: с десятков старых грузовых машин Элли, когда-то выпускавшихся в ГДР, которые были всё ещё на ходу, но такие лучше дарить, гружённых секонд-хэндом, медицинским оборудованием и медикаментами. Возглавлял эту делегацию архитектор маленького городка, его же жители избрали главой городской администрации.

Так вот, когда они ехали к Феодосию, то немец ойкал, а потом спросил, почему бездорожье в городе. Что ответить? Не хватает средств у города. А жители? Почему они не чистят, не ухаживают за улицами? А действительно, почему?

– Если бы у нас так было, я бы сам стоял с лопатой на такой дороге. Или меня бы не избрали.

Тогда Анатолий Дмитриевич лишь кивал согласно. Сейчас вспомнил, когда его машина ползла по разбитой дороге медленно и осторожно, как змея на охоте. «А дом не изменился, чуть фундамент подремонтировали, доски на заборе заменили. А так – те же резные ставенки, въездные ворота, калитка. Дому-то, поди уж, за сто лет.»

Владыко был во дворе. Просто, по-монашески одет и, как всегда, гостеприимен. Они недолго говорили о былом, потом перешли в гостиную, где им подали скромный обед. А уж потом – разговор. Как только начать-то его, глава не знал.

– А что, Владыко, был я в селе Серебряная Долина, видел, церковь восстанавливаете. Красивые там места.

– Бог дал силы, восстанавливаем, прекрасный храм там стоял. Нынче, конечно, мы такого богатства дать не можем, и иконостас поскромнее, и кресты не позолоченные. Но на колокол деньги нашлись, спонсоры помогли.

– Мы тоже поможем, сейчас бюджет раскидаем, хоть копейку, но перечислим.

– Дай вам Бог здоровья.

– Ну что вы, чем сможем, поможем. Вы скажите, может, я, со своей стороны, по административной части, если где проблемы возникли. Я всегда готов.

– Пока особенно ничего. Но спасибо за доброе слово.

– Село красиво. А местные говорят, у вас там чудеса случаются. Будто живёт в этом селе парень, чуть ли не домовый.

– Слышал я. И местного батюшку спрашивал. Слухи – то. Живёт при церкви молодой отрок – сирота совсем. Ни отца, ни матери не знал. Он имеет заболевание, роста маленького, вот его и назначили местным человеком божьим, юродивым, по-старому. Я буду там скоро. Сам посмотрю. Ну, не гнать же сироту. Он и церкви помогает. Как может, конечно, как может.

Они распрощались. Анатолий Дмитриевич уехал в раздумье.

«Если Владыко ничего не знает, значит это не существенно для них: «Живет при церкви сирота...» Ну да, что тут плохого? А если сирота – не просто сирота, а из тех, потусторонних, из духов? Тогда это запрещено.

Что мне надо? Я должен знать, как воздействовать на сиротку – водичкой святой, заклинанием, травкой... Чем? Как его приручить? Это же сила и возможности невероятные! Подумать страшно, что он может.

Итак, управлять и беречь. Беречь и управлять. Ведь, если узнает губернатор, то своего не упустит. Либо постарается подчинить сиротку, либо уничтожить. К кому пойдёт? К архиепископу? К ведьме какой-нибудь? Всё использует. Хоть с самим дьяволом сделку заключит. И тот, кто завладеет малюткой, будет править. Высокая цена. И у меня есть фора. Пока есть.»

Навязываться к Владыке Феодосию в гости надобности у губернатора не было, они встретились на концерте мужского хора Сретенского монастыря. Случайно. Ну, почти случайно.

Когда в зал зашёл архиепископ, зрители встали. Уважение к нему жителей города было показательно велико. Чиновники проскальзывали, чтобы не измерять свой общественный вес. Губернатор слегка опоздал, поэтому его приход никого ни к чему не обязывал, и он не испытал откровенной зависти.

Впрочем, кто из нас сомневается в том, что в России нелюбовь к власти – это естественное чувство, передаваемое с молоком матери. Ну, а что касается тех времен, когда толпы восхищенных кричали, в зависимости от ситуации, «славься, царь» или «слава великому вождю», кто кричал, а кто кайлом махал. Разные условия были.

Концерт был для Виктора Константиновича ценен ещё и тем, что его увидели рядом с главой Епархии в непринуждённом виде, в окружении народа. Ценный кадр. Возможно, станет известно в Москве. Возможно. Президент – Патриарх, губернатор – архиепископ. Не близко, но линия правильная.

Губернатор начал первым и сразу же поделился впечатлениями о духовной музыке:

– Это, о чём размышляешь в короткие минуты душевного спокойствия, и чего всегда не хватает, – начал он штамповать банальности впопад и невпопад, но из-за шума в фойе его было слышно плохо. Главное было написано на лице: рад видеть, и концерт понравился.

Феодосий пропуская всегда мимо ушей лестные речи и вида не подавал, ждал, что за этим последует.

– Говорят, в епархии появился божий человек. Предсказывает, чудеса творит. Слышали уж?

Владыко напрягся: «Хм, и этот туда же. Надо скорее съездить к отцу Иоанну, что-то интерес этих господ мне не нравится».

– И вы туда же, многоуважаемый Виктор Константинович. Слухи, народные слухи, уверяю вас, не более. Сколько их я наслушался. То младенец с крыльями и говорит на шести языках, то петух яйца стал нести, то икона слезами заливается... Народ всегда чудесами живёт...»

– А что, икона не мироточила ни разу? А как же рассказы?

– Чудеса не только от Господа идут, иной раз – бесовские игры. Да и не в том чудо, что видно, чудо там, где не замечаешь.

– Это где же? На что вы намекаете? – забеспокоился вдруг губернатор.

«Вот дурак, прости Господи. Откуда ж вас берут-то?», – подумал архиепископ, но вслух сказал:

– Чудо в душе происходит. Был сотник на службе царя, плохое творил. Уверовал, и стал верить во Христа.

– Ну да, ну да, знал я одного такого сотника, пробормотал губернатор и громко. – Да. Да. Душа – тонкая материя. Вера и душа. Так и запомню. А то ведь, у меня-то всё – хозяйство, бюджет у меня – всё, и так – круглый день. Нет времени о чуде в душе подумать. Вот так случилось бы чудо, и душа возрадовалась. Ан, нет. Нет радости-то. Всё – обман, текучка. Пушашное всё на деле. Так жизнь и пробегает. А вспомнят ли когда-нибудь потомки такого человека, который, как раб божий, впрягся в соху и тянул, чтобы, значит, эти семена туда, куда надо, летели? Так ведь, кажется, в Библии? Чтоб проросли семена-то, а не затоптаны были.

– Вольно трактуете священные тексты.

– Ну, смысл тот же? Смысл-то я правильно уловил?

– Уже то, что вы обращаетесь к Библии, делает вам честь, уважаемый Виктор Константинович... Второй звонок, я прошу простить великодушно, пора садиться...

– Да-да. Пора... На свои места садиться. Каждому своё место. А у нас на чужое нороят... Извините меня за многословность, понесло туда, в чём так мало разбираюсь..., – закивал губернатор, постоял в раздумье, и не пошёл на своё место, а махнул рукой помощнику и охране. – Уезжаем.

– Значит, правильно я думаю, правильно. Найду я вашего духа, а там и поговорим. Будем искать духовное вместе. Цели только разные, и инструменты. Никуда оно от меня не денется. Пошлю-ка я разведку в это село.

Х

Отец Иоанн встречаться с парнишкой не хотел. Не по себе ноша. Вот и Преподобный Иоанн Лествичник предупреждал: «Есть мужественные души, которые от сильной любви к Богу и смирения сердца, покушаются на делания, превосходящие силу их... А враги наши часто нарочно для того подушают нас на такие дела, которые выше нашей силы, чтобы мы, не получивши успеха в них, впали в уныние...», VI век, а как современно звучит. По-русски говоря: „Бери ношу по себе, чтоб не падать при хотьбе“. А чудеса банника ещё наведут шороху в наших краях. Это только ветерок был, бури впереди. А что мне это всё, я – простой сельский поп, и другой жизни не хочу. Для чего я из города сбежал в скуку сельскую?»

Не ошибся он. Слухи о чудесах в селе Серебряная Долина расползлись очень быстро. Не было дня, чтобы к церкви Воскресения Христова не приходили паломники. Вначале они шли из соседних сёл. Потом, не без помощи дачников, которые разнесли новости друзьям-знакомым, поехали из города. А дальше стало привычным:

– Мы, батюшка, из далека сюда. Слыхали, есть у вас человек Божий, имя у него чудное такое... Как бы нам к нему на беседу.

И понеслось. Приходил, молился, чудес искал народ. Куда ж без чуда в России?

И он пришёл. Где ходил, как жил, не сказывал. Поклонился отцу Иоанну и попросился жить при церкви. Как ему откажешь, хоть и зябко рядом с таким-то.

Одним словом, когда по приказу губернатора примчались двое соглядатаев в село, там уж к старцу Лишку, так сократили имя его паломники от прошлого «Слишком», очереди выстраивались. Люди приходили в село, и местные были не против, а помогали найти место, где переночевать, где поесть.

Жизнь в селе стала перестраиваться под новое дыхание жизни, стройка и пришлое АО растворились в воздухе, откуда и пришли. И это тоже было воспринято, как чудо.

Знающие люди могли только посмеяться над этим, потому что это конкретное чудо было вполне рукотворным. Глава района, который затеял это всё от скуки, вдруг распорядился вернуть всё, как было. Знал бы он, во что выльется этот его приказ! Покрутились эти шпионы городские среди народа, повыведывали, и тихо удалились, как черти полуденные.

Парнишка, а теперь уж старец Лишка, поселился недалеко от храма, в старом заброшенном амбаре. Что там держали раньше, никто вспомнить не мог, но амбар был каменным, ещё той старой кладки и, что немаловажно, с печкой.

Лучшего места придумать было нельзя. От церкви к нему вела тропка, камнем выложенная, заросшая кустами сирени и шиповника. А как подходишь к амбару – площадка большая, хоть митинг устраивай. Как в лихие времена местные мимо прошли? Это ж сколько кирпича пропало?

Жизнь свою старец устроил настолько просто, удобно и понятно для всех, что народ и это чудом воспринял. А то не поняли, что языческое, оно же наше родное, от нашей природы, и воздуха, и воды в реках, от землицы. Это уж потом греческую веру принесли, своё закопали-сожгли. Только оно всё равно проходило сквозь частокол запретов и новых правил духом берёзовым, грибочком беленьким, рябинкой тоненькой...

К старцу стали прибиваться послушники. Отец Иоанн уж со своими обязанностями не успевал справляться, и рядом с ними стали служить дьякон, подьячие... Народу стало – не протолкнуться. Тяжело было поначалу, а потом – радостно. И Слава Богу.

Когда в село нагрянул архиепископ со свитой, был праздник церковный. Владыко приехал сам и привез на двух автобусах паломников и хор архиерейский. Ехали-то в село. Кто там что мог?

Когда подъезжали, с колокольни ударили в колокола, а на площади перед храмом народу было не меньше, чем перед кафедральным собором в городе. Владыко заволновался, но быстро взял себя в руки: «Мог бы отец Иоанн и предупредить. Мы то со своим, думали так, по-семейному, а тут видишь, что творится. Даже телевидение, и те приехали...» А уж, когда его встречали священники и монахи, образовавшие длинный коридор, тут Владыко не скрывал своих чувств. Искренне радовался и всех приветствовал.

Старец Владыку не встречал, никто этому не удивился, а стоял он на колокольне, бил в колокола. Он был выше всех, хоть и самый маленький. Носил он ту же холщовую рубаху, те же лапти, и шапочку из светлой тонкой войлочной ткани – то ли колпак, то ли монашеская скуфья.

В праздник его никто и не видел, да и не разглядел бы среди такого количества народа, пышной службы, блеска позолоты и церковного пения. Голоса певчих разносились над речной долиной и усиливались, как будто создатели храма специально подыскали место, где сама природа создала удивительные акустические условия. Восторгу всех присутствующих не было конца.

Скромно в рядах прихожан и паломников стоял Анатолий Дмитриевич, и когда его взгляд встретился со взглядом Владыки, он понял, что попал в цель. Что ему повезло, что вот оно как бывает, чего не ждёшь. Хотел ведь по мелочи, стырить хотел, а вот сообразил, проникся, и как обернулось всё. Его братки, умытые и причесанные, стояли боевой дружиной и зорко смотрели за порядком. Чувствовалось, что это им самим нравится. Сегодня, во всяком случае. Что будет завтра, кто знает.

Владыко пригласил главу встать рядом, и он подошёл. Стоял перед верующими впервые, и в душе его шевельнулось что-то, зажглось тонким срывающимся огоньком, и он расчувствовался, чего с ним никогда не было, и тайно пустил слезу. Лицо платком вытер, и глаза, наполнившиеся слезами. Как будто пот вытер. Но было приятно. Думал, никто не заметит. Телевизионщики случайно захватили эту сцену. Так это и увидел потом губернатор.

Когда закончился праздник, а потом обед, площадь перед храмом опустела. Владыко в сопровождении Анатолия Дмитриевича и отца Иоанна прошёл по селу, осмотрели окрестности. Владыко был очень доволен.

– Когда ехали сюда, признаюсь, испытывал тревогу и волнение. Куда едем? Может, опять отчаяние, безнадёжность, пустые заброшенные фермы. Что может сделать священник? Приободрить. Но накормить не может, одежду купить не может. Вот и стоишь перед прихожанами, а сказать-то и нечего порой. Терпите? Что и за что? Как Мамай прошёл. Войны не было, а разрушения такие. И вдруг – красота. Нет уныния в глазах у людей. И церковь в порядке, и стол – не пустой. Как раньше удивляло: два села, поля – рядом, один колхоз – в порядке, в другом – последний плетень завалился.

– Не знаю, искренне говорю.

– И вот ещё, не редкость. Сёла голые стоят. В поле. Лесочек – в сторонке. В поселении редкий куст растёт. Огороды – только под картошку, ни малины, ни смородины, ни яблонь...

Я поначалу, как приехал сюда с Украины, думал – не растёт. Растёт. У меня в саду растёт, а у людей нет. И – грязь. Понимаю, асфальт дорог, но перед своим домом порядок должен быть? Дорогу щебнем просыпать в деревне можно? Почему не делаете? Вы же сами здесь живёте...

Не хватает лидеров, вождей. Статисты есть. Вождей нет. И к этому добавилась корысть. Корысть у тех, кто крал понемногу, а стал грести лопатой. Жадность без берегов. И друг перед другом задаются. А деньги – не заработанные.

– А было по-другому? Сколько могли заработать трудом праведным у сохи, у станка? Купцы занимали деньги, товар покупали, и везли торговать. Это не каждый осилит. За плугом – попроще, попривычней-то будет.

– И вы правы, и я. Я-то больше о людях. Жаль их. Искренне жаль. Брошенные они. Молюсь о них. Чтоб не осерчали, чтоб унынию не предавались. Помогайте им, чем можете. В ваших руках немного, да власть.

– Как вы, Владыко, правильно подметили, именно немного. Почти ничего. Власть – это деньги. А в районном бюджете лишь одна цифра прижилась – ноль. Только на чудо и уповаем. Кстати, о чуде, где наше местное чудо? Покажите.

– Верите, в нетерпении сам. Ищут его. Стал он старцем тут. Батюшка говорит, от паломников проходу нет, идут и идут. Поверили люди. Я очень опасаюсь таких вот превращений. Обманщиков много.

Они уж возвращались, когда монашек сообщил, поклонившись архиепископу, что старец Лишка уж вернулся в келью свою.

– Если угодно, то пройдите.

– Что ж, пойдём, коль приглашают.

Было видно, что Феодосий недоволен таким оборотом. Кто такой, какой-токой старец, который в келье, и ждёт его, архиепископа. Нахмурился брови, он зашагал за монашком. За ним еле успевал глава района.

Они подошли, удивляясь тому, что путь к келье старца настолько известен народу, и по тропке, ведущей к ней, постоянно шастал народ: бабульки, странники, мамыши с младенцами и детьми постарше. На площадке сидели, гуляли не менее двадцати человек.

– У меня в приёмные часы меньше собирается, – — пробормотал архиепископ.

– Я то же самое про себя хотел сказать.

– Загадка. Кто же он такой? Куда идти, монах?

– Сюда, сюда, за мной, Владыко, – пригласил шедший впереди монах и подошёл к домику, который, наверное, раньше был складом ненужного церковного хлама и вместе с этим сторожкой, потому что над старой давно некрашеной крышей из металла возвышалась кирпичная кладка трубы с разделкой.

Домик этот врос в землю частью, как ноготь в крестьянский палец – криво и некрасиво. Может, со временем и очистят стены его от земли, а сегодня он напоминал даже больше полуземлянку. И это больше соответствовало его нынешнему предназначению. Дверь в дом была нараспашку, но туда никто не входил без приглашения.

– Сюда, сюда, – махал им озабоченно монашек, приглашая зайти. Пахло сыростью. Так и есть: полки вдоль стен и отгороженная комнатка, совсем крохотная, полумрак и запущение.

– Здесь старец и живёт. Здесь церковный склад был. Полки вот. Свечи здесь хранили, утварь разную. Сейчас в нём надобности нет, старец и попросился жить тут.

– А вы где живёте?

– В селе. Мы домик купили поближе к храму, у нас участок большой, строиться ещё будем. Нас ведь, теперь уж, пятеро. Монастырь хотим организовать. Если Владыко благословит.

Владыко молчал и осматривал жильё. Новость о монастыре, он понял, была не последняя. Что-то будет ещё? И удивительно, что его не огорчало, а радовало всё, что тут делалось.

– Как вам, уважаемый Анатолий Дмитриевич, инициатива снизу? Я, как и вы, был в неведении. Приятно удивлён. Думал, приеду к развалу. А тут такие дела творятся. Удивительно. Просто удивительно.

– Я думаю, Владыко, что всё же ваше участие в этом присутствует. Не будь такого наставника, руководителя, развал и был бы. Вас хотели удивить и удивили. Значит, знали, что вы одобрите, благословите, а не по рукам надаёте, дескать, почему без приказа, почему не доложили?

– Ну, не без этого... Но я радуюсь этим устремлениям очень. Спасибо на добром слове. Настроение у Владыки Феодосия поднялось, он хотел скорее видеть нового старца.

– Где хозяин этого дома? Гости пришли, а их не встречают... Это что ж..., – и замер на полуслове: от дальней стены отделилось светлое пятно и приблизилось к нему.

Маленький, ростом с ребёнка десятилетнего, старец Лишка скромно подошёл, отвесил глубокий поклон и поздоровался, поблагодарив за то что, нашли время посетить его. Всё в нём было от ребёнка: наивность глаз, робость в движениях и весёлость. Не показная, искренняя.

Говорить он стал намного лучше, и в голосе появились уверенность и обворожительность. Он научился управлять звуковыми волнами, сразу это было непонятно, но слушать его было приятно. По телу растекалось тепло и умиротворение. Прямо, сеанс физиотерапии. И, познав силу его даже в звуке, можно было пофантазировать о том, что он может в действии. И сказал он ровно то, чего ожидал от него архиепископ по чину своему. Ничего лишнего.

Глянул в окно, стало светлее, потому что ветки разошлись пропуская свет. Все молчали, оценивая друг друга. Феодосий нарушил молчание первым:

– Решил познакомиться с тобой, отрок. То, что ты сделал для церкви Христовой, не забудется, по-простому скажу, разбейся этот колокол, не скоро мы бы денег на новый насобирали. Слышали уж небось, Анатолий Дмитриевич, колокол на колокольню ставили, а кран в грунт стал проваливаться, все разбежались, а он вот рискнул и спас колокол.

– Это как?

– А детали не так важны. Впрочем, старец Лишка и сам может рассказать. Расскажешь нам?

– Для меня ваша оценка дорога, Владыко. А как было всё, я уж и не упомяну. Стёрлись подробности.

– Скромность укрепляет веру. Как говорил Иоанн Лествичник: «Видел я немощных душою и телом, которые ради множества согрешений своих покусились на подвиги, превосходившие их силу, но не могли их вынести. Я сказал им, что Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения». Помни о смирении и не возгордись тем, что дано тебе. Мы с тобою потом ещё поговорим, а сейчас время торопит. Прощай.

И благословил его. Старец стоял в глубоком поклоне. Уходил Владыко довольным.

– А я задержусь немного, с вашего позволения.

– Как угодно, я же тороплюсь, извините меня.

Владыко не хотел проявлять большой интерес к старцу при посторонних, есть своя кухня в своём хозяйстве, нечего чужим соваться. Он решил выбрать время в ближайшие дни, чтобы без свидетелей поближе познакомиться и понять: новый слуга церкви появился в его епархии или замаскированный враг. Тем более, такое большое внимание к нему со стороны властей. Не к добру.

Понял Феодосия и Анатолий Дмитриевич, но сам не стал откладывать разговор, и, дождавшись ухода Феодосия, попробовал прояснить себе ситуацию:

– Ну, здравствуй ещё раз, как тебя называют нынче, старец Лишка? Большую деятельность развернул, большую. Я приехал, чтоб ты знал – я тебя не боюсь. Понимаю, что ты со мной можешь сделать, ещё лучше стал понимать. Но не боюсь.

Старец отвернулся от него и пошёл к стене, откуда явился гостям, и пропал. Слился со стеной.

– Ты можешь меня пугать, управлять моим сознани... со-зна... со... зна..., – Анатолий Дмитриевич силился договорить, но не смог.

Он силился открыть глаза, но веки слипались, тяжелели, и сознание отключалось. Язык стал тяжёлым, ноги мягкими, пластилиновыми, и глава района рухнул на пол, распластавшись в нелепой позе, будто раздавленный.

Очнулся Анатолий Дмитриевич глубокой ночью. Было прохладно, лежал он уже не на голом полу, а на ватном матрасе. Ночные звуки врываются в комнату тихим звоном, щёлканьем и ворчанием. Где-то прокричала несколько раз ночная птица. Он поводит глазами,

пытался настроиться, взять себя в руки, встать или хотя бы просто прийти в себя. Тяжело. Сил нет. Остался лежать. Где-то сзади появился свет. Свеча на столе. Шорох отдвигающихся ножек стула или табурета. Кто-то сел.

– Ты здесь, я чувствую, ты здесь... Божок языческий... Это для них ты – старец. А для меня ты – деревенский чертёнок. Тьфу на тебя. Плевать я хотел, так и знай. Делай со мной, что хочешь, что хочешь, хоть наизнанку выверни...

Анатолий Дмитриевич повернулся на бок и привстал, опираясь на руку, чтобы взглянуть, кто пришёл в келью. Там сидел лишь человек в черной рясе, простоволосый, в очках, больше напоминающий институтского доцента, чем монаха.

– Ты кто?

– Пётр. Я при церкви. Вам плохо? Вы бредили, какой-то сон рассказывали, страсти такие о чертях. Хорошо, что вас старец у себя оставил. Может, излечитесь. Нет, точно излечитесь. Он такой. Всем помогает. И денег не берёт. А так, кто что подаст.

– Излечусь... Может. А давно я здесь?

– Третий день уж.

– Три дня...?! Ничего не помню, ничего. Три дня, а как один час пролетели.

– У нас и побольше находятся. Потом просыпаются и рас-сказывают, что видели. Чудно, право. Такого понаслушаешься, оторопь берет, сколько в людях всего накопилось...

– И я во сне говорил?

– Говорили. Особенно в первый день. С губернатором ругались, убивали кого-то, грозили. Я зайду, посмотрю на вас, что всё в порядке и опять ухожу.

Он посмотрел на главу, как тому показалось, хитро и заговорщически, и произнес:

– Вы не беспокойтесь, видео записей мы не делаем, а на слово кто ж мне поверит? Кроме меня к больным духом не позволительно никому ходить. Опасно. Только меня старец Лишка назначил. У меня и справка из психбольницы, сумасшедший я, шизофреник. Кому что я расскажу? Псих, что от меня услышишь? Только заезжал тут один, странный человек. Всё к вам рвался. Со старцем столкнулся, угрожал. Больше мы его и не видели.

– Старцу угрожать – неразумно, старцу... Последнее дело. Это точно. А что за человек-то был? Неизвестно?

– Говорят, его у губернатора видели... Я не знаю точно. Да и откуда мне знать? Кто – я, а кто – — губернатор?

– Ну, не скажи, ты теперь... Тут... Ты... Значит, губернатор. Проведал. Что же? Я могу идти?

– А это, как себя чувствуете. Водитель-то ваш в город уехал. Оставил телефон: «Звоните, как в себя придёт, дескать». Позвонить?

– Я ему сам... Позвоню, дескать, пришёл в себя уж...

Анатолий Дмитриевич попытался встать. Монашек бросился ему помогать. Опираясь на плечо Петра, глава на всё ещё очень слабых ногах потихоньку пошёл к двери. Тело его было невесомым, он не чувствовал себя, шёл, как плыл. И плыл облачком. Дунь ветерок – унесёт.

На улице было темно. Моросил легкий теплый дождь.

– Сейчас ночь?

– Поздний вечер, часов двенадцать.

– Хорошо... Хорошо. Чуть-чуть постоим. А где все?

– Кто где. Спят уж люди-то...

– Да, ночь, ночью надо спать... А можно хоть чаю выпить, Петя? Где-нибудь чаю бы раздобыть, и хлебушка хоть немного. Я заплачу... Заплачу...

– Пойдёмте в келью, я вас посажу, посидите, а я чайник принесу и посмотрю, что с ужина осталось. Вы посидите. А я посмотрю...

– Вот, спасибо, вот, пожалуйста, Бога ради, сделай такую милость. Отблагодарю, отблагодарю...

– Вы не утруждайте себя, не берите в голову, это моя забота, – успокаивал его Пётр. – Я ведь по больницам много времени провёл. Если бы не волонтеры, так и загнулся бы там. Наши-то больницы, наши больницы знать надо. Выжить там непросто.

– Что, «палата номер 6»?

– Какая палата?

– У Чехова рассказ, «Палата №6».

– Ну, вроде того. И солдат вместо санитаря, как там. Ничего не изменилось.

– А чем ты болел-то, забыл я?

– Маньяк я. Шизофреник. Псих на всю голову.

– Это...

– Да вы не бойтесь, я никакого не убивал. И в больницу-то попал случайно, задержался. Я – из последних хиппи. Слышали о таких?

– Слышал.

– Университет. Филфак. Аспирантура. Преподавал. А потом... Потом жил в коммуналке, ездили мы по городам, говорили о свободе, справедливости, любви. Потом нас окружили ночью, и – в кутузку. Долго мозги промывали. Из всех только меня и отправили лечиться. Собственно, лечился я не долго. Точнее, вообще не лечился. Сиделок там не хватало, а у меня – высшее образование, хоть и не медицинское, вот меня главврач и оставил. Он сам – такой же, как я, был. С пользой, я медицинский закончил, работая там. Пока он на пенсию не ушёл, я и работал. А с новым не сработались. Ушёл.

– Сумасшедший приват-доцент психиатр и сумасшедший глава районной администрации. Ну, точно: «Палата №6».

– Вы не волнуйтесь. Вам сейчас дополнительный стресс вреден...

– Я уже не волнуюсь. Здесь я в покое и защищён. Как в крепости.

Пётр усадил Анатолия Дмитриевича на стул у стола и ушёл. Лампа на столе была современная и со странным светом длительного горения, искажающим цвет стен, предметов стоящих в комнате.

Монах вернулся довольно скоро. Он принёс электрический чайник, стаканы, пакетики с чаем и что-то съестное. Анатолий Дмитриевич ел, не разбирая. На столе – чай, бутерброды, а в голове – полное отсутствие мыслей. Головы нет, только желудок. Когда-то он это уже испытывал. Недолго. Но запомнил на всю жизнь. А ведь кто-то так живёт с рождения и до смерти.

Перед армией, а Анатолий Дмитриевич служил, сам удивлялся этому, но не жалел никогда впоследствии, как некоторые, послали его поработать на завод моющих средств. Месяца два он там провёл. Цех упаковки.

Рядом с большим бункером, куда загружался стиральный порошок, стояли весы, электрическая швейная машинка, и лента конвейера, ведущая наверх. Работа состояла в том, что он подставлял мешок к соплу бункера, нажимал ногой на педаль, и в мешок сыпался стиральный порошок. Мешок он должен был взвесить, лишнее убрать, зашить, и положить на ленту конвейера. И так – семь часов.

Когда он после смены вставал под душ, чтобы смыть с себя стиральный порошок, мыла не нужно было. До сих пор он помнил этот запах порошка «Лотос». Лотос. Два месяца его встречал и провожал типовой лозунг на вечном кумаче о славе пролетариата. Но после смены пролетарское сознание кривило только в сторону кабака. После такой тупой работы иных мыслей не приходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.